

УДК 303.4

DOI: 10.17223/1998863X/38/18

В.В. Колодий, Н.А. Колодий, Ю.А. Чайка

АКТИВИЗМ И ПАРТИСИПАТОРНОСТЬ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА С ГОРОДСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ В ПРОЦЕССЕ «ПРОИЗВОДСТВА» ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Фокус исследований в системе гуманитарных наук в нашем обществе только в последнее время сместился в сторону городских исследований. «Поворот к городу» в культурологии, философии наметился на рубеже нулевых годов, до этого городская проблематика анализировалась в основном в области социологии, социальной географии, экономики. Тогда же сформировался дискурс «производства пространства». Понимание пространства как продукта производства возникло в силу того, что понадобилось представить себе город как процесс, в который вовлечены различные акторы, включая различные городские сообщества. В статье речь идёт о возможностях и готовности городских сообществ участвовать в процессах трансформации российских городов, о том, как реальные или виртуальные группы жителей способны противостоять непродуманным проектным решениям.

Ключевые слова: городское пространство, урбанистика, городская политика, социальные технологии городской менеджмент, Smart City, Culture-led Urban regeneration, партиципаторность, социальные сети, интернет-площадки, Community.

Удовлетворённость или неудовлетворённость жизнью, успешность или неуспешность самореализации личности, ощущение комфортности зависят от многих обстоятельств, в том числе и от той среды обитания, в которой непосредственно находится горожанин. Городская среда в широком смысле слова становится фактором конкурентоспособности городов. Но она в современных условиях не может быть высококомфортной, если она проектируется, формируется, развивается без участия горожан. В современной урбанистике проблема участия формирующихся городских сообществ и коммьюнити в принятии градостроительных решений, городском планировании трактуется как проблема создания справедливых условий городского развития на основе солидарности и взаимопомощи, так необходимых горожанам. В России – как проблема вовлечения граждан в создание «города равных возможностей», в котором и высокоресурсные группы, обладающие необходимым капиталом для развития, и низкоресурсные группы имеют возможность повысить качество жизни. Но – так или иначе – решение проблем городов с участием населения сегодня особенно важно, поскольку в них проживает большая часть страны. Соответственно, ключевым вектором в идеологии развития города должна стать стратегия создания модели жизни, обеспечивающей человеку защиту интересов, не учитываемых при реализации крупных городских проектов; оказание социальных услуг в тех сферах, где государство демонстрирует недостаточную состоятельность, а бизнес проявляет избирательную заинтересованность; инициирование и распространение социальных изменений, создание и привлечение социальных технологий, работающих на внедрение позитивных поведенческих

практик; стимулирование достижительных мотиваций, наращивание человеческого капитала и укрепление отношений доверия в обществе.

Главную проблему исследования можно сформулировать в вопросе, существуют ли реально действующие городские сообщества, локальные самоорганизующиеся общины, как они участвуют в «производстве пространства» и оказывают ли они влияние на философию и практики управления пространственным развитием города?

Цель исследования – выявить особенности партисипаторных методологий, теоретические основания сотрудничества с реальными и виртуальными городскими сообществами для конституирования оснований городской политики, базирующейся на осознании коллективной городской идентичности.

Методология исследования складывается из междисциплинарного подхода, позволяющего осуществить синтез концепта живого и комфортного города и теории развития постиндустриального города, а именно идей школы урбанистики, представленной новым городским социальным менеджментом, принципов междисциплинарного исследования качества городской среды, развиваемых культурной социологией пространства.

Дискуссия по проблеме

Мировой и отечественный опыт по поиску модели «города равных возможностей», новой пространственной структуры внутри городов позволяет выделить основные аспекты дискуссии.

Дискуссии о комфортном, здоровом, умном городе разворачиваются на фоне развития дискурсов о полицентрической городской системе, многоядерной социально-пространственной структуре с достаточно большим разнообразием акторов. Оживлённое обсуждение проблемы активизма населения в процессе модернизации городской среды находит отражение в литературе, посвящённой разумному росту городов. Вопрос о том, присутствует ли в процессах модернизации города партисипативность, наиболее активно обсуждается в урбанистической литературе постнеклассического этапа (K. Main, G.F. Sandoval) [1]. Обсуждение того, кто является коренным жителем и проводником самых необходимых решений по изменению города (J. MacLeavy), – длительное время существующий сюжет социального городского менеджмента в Европе [2].

В западной урбанистике (L. Binns) партисипативность рассматривается и как стратегия *culture-led regeneration*, т.е. совместная деятельность девелоперов, градопроектировщиков, горожан по реновации заброшенной территории, бывших промышленных объектов для создания объектов культуры, досуга. L. Binns, например, утверждает, что «третья, альтернативная стратегия восстановления, основанная на культуре, излишне фокусируется на достижении обновления «снизу вверх» [3. P. 140].

Автор подчёркивает тем самым, что эта совместная деятельность инициирована рядовыми гражданами, не наделёнными никакими властными полномочиями. Есть представление, что партисипативность – это современный метод работы проектной команды с различными социальными группами, которые заинтересованы в конечном результате проектирования, «результаты включают в себя усиление социальной сплоченности; чёткое

осознание локальной идентичности, сокращение масштабов вандализма в городе; поощрение интереса к местным условиям; развитие уверенности в своих силах; налаживание партнерских связей между государственным и частным секторами; общее видение будущего; укрепление организационного потенциала и поддержку независимости» [3]. Такими социальными группами могут быть инвесторы, заказчики, городские власти и потребители продукта – жители, арендаторы и т.д. В процессе проектирования архитектор выступает, в том числе, в роли модератора общения между всеми участниками. Он должен примирить интересы различных социальных групп, активно включая их в процесс создания архитектурного проекта, а также найти профессиональное решение, которое устроит все стороны. Одним из первых заметных проектов в режиме совместного планирования в Вологде, например, стал социально-средовой проект «Активация», в результате которого появились 5 новых общественных пространств.

Есть более широкий подход, согласно которому «жительство» (так переводят английское слово "permit"), как главная движущая сила пространственного развития, очень избирательно участвует в этом процессе. Чтобы определить, что в современном контексте значит «жительство» (M. Purcell), требуется найти баланс между соперничающими представлениями о городе, которых придерживаются те, кто активно живет в городе, а не просто является традиционным «местным жителем» [4. Р. 142]. Кто должен определять, какие жители являются «хорошими» и «полезными» для городского развития? Кто определяет то общее видение города, вокруг которого могут объединиться и начать действовать заинтересованные люди? Как эта борьба соотносится с устойчивым представлением об «уроженце» города? Все эти проблемы находят отражение в тех исследованиях, которые основаны на кейсовой исследовательской стратегии и не претендуют даже на восхождение к теории, которая объяснила бы исчерпывающим образом феномен партисипантности.

Дискурс об архитектонике акторов городской среды

Ключевые вопросы, обсуждаемые в этом контексте: кто может стать лоббирующей силой при реализации глобальных городских проектов (бизнес-структуры, градостроители, разные городские сообщества)? Каково соотношение сил в рамках такой иерархии? Эти вопросы особенно оживлённо обсуждаются в европейской урбанистике (R. Argenbright, T. Dixon), в культурной социологии пространства и даже с учётом реалий российских городских проектов [5–8]. Особую актуальность дебаты приобрели при возведении Москвы-Сити при участии знаменитого архитектора Фостера. Впрочем, опыт проектирования в Сити, по словам отечественного градoproектировщика Сергея Чобана, был довольно сложным: проект реализовывался в контексте жёсткого неприятия городским сообществом с нарушением всех сроков и со значительными искажениями. Архитектурное сообщество при этом удивительно солидарно в том, что даже великие архитекторы, если их усилия не объединяются с действиями местных архитекторов и не могут найти отклика среди строителей, терпят поражение. Протесты против проектов масштабных городских строек в Петербурге и Москве [5] показывают, что

это насущная проблема и российских городов. В Петербурге идет постоянная борьба, разворачивающаяся то вокруг газпромовского небоскреба, то по поводу сноса зданий, представляющих собой особую историческую ценность. Вопрос о том, оправдают ли экономические выгоды от налогов и появление новых рабочих мест, сменяется вопросом о том, перевесит ли вред, нанесенный праву и строительному кодексу вместе с воздействием непрозрачности на политический процесс [7]. Одна протестная форма сменяет другую. Но часто эти протесты становятся демонстрационными, незавершенными, не способными оказывать влияние на градостроительную политику, что, впрочем, еще мало исследуется в урбанистической литературе.

Если в европейских научных сообществах можно зафиксировать стремление к своеобразному балансу дискурсов социально-экономического развития города и дискурсов социального, экологического равенства, то среди российских урбанистов дискурс равенства, дискурс партисипаторности считается недостаточно перспективным.

Может быть, поэтому в принципе не определены однозначно понятия: городские общины, локальные самоорганизующиеся общины, городские сообщества. Тогда как в мире получило распространение целое направление: Community-based participatory research [2]. Согласно этому подходу, сообщество горожан можно относить как к классу реальных, так и к классу воображаемых. Для такого сообщества основная форма существования – уровень автостереотипов, воспроизводимых в ситуации создания презентативного текста или земляческого общения, а также стратегии противопоставления другим значимым окружающим сообществам (другим горожанам). А в целом в урбанистической и социологической литературе акцент в обсуждении, скорее, на реальных сообществах, которые могли бы способствовать имплементации концепта устойчивого города. Насколько изучение городского пространства может помочь пониманию масштабных социальных процессов в обществе в целом (N. Moore-Cherry, V. Crossa, and G. O'Donnell, H. Yoon and E. Currid-Halkett) – эта проблема изначально дебатировалась ещё с момента возникновения чикагской урбанистической школы [9, 10].

Для чикагских урбанистов город был «лабораторией», позволяющей на его примере судить о социальных процессах всего американского общества. Часть сегодняшних урбанистов также убеждена в том, что изучение городов может помочь критическому и аналитическому пониманию масштабных социальных процессов (Le Gales, Patrick), особенно в контексте smart growth [11]. Правда, проблема в том, что в разворачивающихся на наших глазах новых пространственных конфигурациях (H. Elsayahli, F. Ahmad and A. Shah Ali, J. Hugh Prior, G. Tavano Blessi) город как таковой уже не занимает того центрального места, какое он занимал в классической урбанистике [12, 13].

Взаимодействие Community и власти, градостроителей и градопроектировщиков – это один из наиболее актуальных урбанистических дискурсов в контексте исследуемой проблемы.

Как же обеспечить в городе взаимопонимание людей с различным происхождением, находящихся в различных жизненных обстоятельствах, имеющих различные ресурсы, ценностные представления и навыки? Как продуктивно преодолеть отчужденность и конфликты между ними?

Известно, что в социально неблагополучных районах снижается не только социальная интеграция населения, но и политическая и гражданская партисипация. Как усилить коллективную городскую идентичность? Помочь решить данные проблемы должна концепция межкультурного городского планирования и строительства (S. Huston, D. Wadley, and R. Fitzpatrick, Cheng-Yi Lin, Woan-Chiau Hsing), целью которой является создание условий для диалога между различными этническими и национальными группами [14, 15].

Анализ исследований по поиску новых подходов и инструментов для работы в изменившихся условиях городского социального пространства позволяет нам выделить мировой и отечественный опыт поиска социальных технологий сотрудничества с городским населением.

Так, например, мэрии городов чешских муниципалитетов в процессе вовлечения горожан в создание городской среды используют опросы общественного мнения, общественные собрания, целевые встречи, семинары и т.д. Темы, которые обсуждаются: стратегическое планирование, городское планирование, создание мест (реконструкция общественных пространств), благополучие города (транспорт, парковка, чистота, безопасность), общественное планирование социальных услуг, охрана общественного порядка и т.д.

Драйвером развития российского города должно стать осознание коллективной городской идентичности, вовлеченность большинства горожан в решение вопросов реконструкции и развития территории.

Если обратиться к деятельности самоформирующихся локальных томских сообществ, то следует обратить внимание на то, что она проявляется особым образом в конфликтных ситуациях. Конфликты чаще всего связаны с оспариванием права на освоение городского пространства. Городским конфликтом традиционно называется очевидное явное противостояние жителей города и власти, реализующей пространственные проекты, жителей и строителей. Изменение городской среды может осуществляться властью в двух основных направлениях: изменение нормативно-законодательной базы города или изменение «материальной» субстанции города (снос жилья, строительство зданий, автодорог и т.п.).

Данное разделение условно, поскольку любые изменения города должны опираться на ответственные решения администрации города, т.е. совмещать нормативные изменения и изменения «второй природы» города. Обратим внимание на один из городских томских конфликтов последнего времени.

Кейс 1.

Страна/Город: Россия/Томск

Суть кейса: Часовня как предмет обсуждения

«Как сообщается на сайте городской думы, на заседании 28 марта комитета по градостроительству, землепользованию и архитектуре депутаты приняли решение об изменении границ особо охраняемой природной территории «сквер на площади Новособорная» с целью строительства часовни на высвобожденном участке земли. Окончательное решение по данному вопросу будет принято на очередном собрании думы Томска.

Отмечается, что ранее мэрия провела опрос среди томичей, в ходе которого 2,5 тысячи человек поддержали восстановление храма на Новособорной. Однако не все оказались согласны с таким решением.

«Непонятно, для чего нужна часовня на площади Новособорной. В 300 метрах от планируемого места постройки находится церковь. В целом ее планируется построить на основном месте отдыха горожан, большинство жителей города против, вопрос решился закрыто, не принимая во внимание мнение основной части населения», — пишет автор одной из петиций. Уточняется, что обращение будет направлено в администрацию города после того, как наберет 500 подписей. На момент написания материала данную петицию подписали 213 человек»¹.

Уже далеко не в первый раз томичи оспаривают проектные решения, связанные со строительством или восстановлением православных храмов. Так, в последние годы противодействие вызывал проект возведения храма в Зональном, церкви – на Каштаке, сейчас – часовни на месте разрушенного Троицкого собора. И дело заключается не в том, что жители недостаточно духовны, что у них специфическая культурная память, а в том, что они не участвовали в принятии таких градостроительных решений и не принимают такой городской политики. Как было отмечено, эффективное развитие города подразумевает многофункциональность застройки, когда создается жилая среда, более разнообразная и интенсивная по коммуникациям и отвечающая потребностям горожан. В данном случае практика опросов представляется большей части людей случайной, а результаты – не отражающими волю большинства. Таких конфликтов можно было бы избежать, если бы власть удерживала в актуальном состоянии уровень требований, предъявляемых к городской среде, и уровень недовольства жителей. Исследователи давно выяснили, что уровень недовольства горожан предопределен двумя наиболее значимыми обстоятельствами: ущемлением интересов строительством объекта и психологически-субъективной предрасположенностью жителей к эскалации конфликта, обусловленной недоверием горожан почти ко всем институтам власти. Кроме того, адекватное взаимодействие власти, бизнеса, городского сообщества осложняется противоречивостью либо неоднозначностью нормы, закона. Неопределенность, неоднородность правового поля может стать фактором затяжного конфликта между жителями и представителями власти.

Решение конфликта зависит и от степени сплоченности и самоорганизованности жителей. Часть исследователей объясняет это доставшимися в наследство формами отчуждения граждан при «производстве пространства».

Ещё одна часть конфликтов обусловлена тем, что у города нет единого общего видения стратегий пространственного развития, сохранения деревянного зодчества и его эффективного использования. Это видение могло бы сформироваться, если бы власть совместно с представителями науки использовала адекватный инструментарий для мониторинга и оценки комфортности городской среды, решения проблем города с участием населения; бы-

¹ Источник: Томичи собирают подписи против строительства часовни на Новособорной. URL: <https://news.vtomske.ru/news/139492-tomichi-sobirayut-podpisi-protiv-stroitelstva-chasovni-na-novosobornoi>

ла ориентирована на создание коммуникационных площадок и технологии вовлечения в коммуникацию заинтересованных сторон (бизнес, университеты и пр.); если бы использовала социальные технологии по популяризации использования социотехнических решений для повышения качества жизни людей.

То, что власть заинтересована в этом, не вызывает сомнения. Её реальные действия по реставрации тех же деревянных домов, по сохранению памятников зодчества или по их рациональному современному использованию, достаточно последовательны, но не находят широкой поддержки среди различных групп населения. Обратимся к анализу позиции власти, бизнеса, отдельных групп горожан в ситуации, связанной с передачей в аренду разрушающихся памятников деревянного зодчества.

Кейс 2. Дом с грифоном

Страна/Город: Россия/Томск

Суть кейса: сохранность или потеря?

«Администрация Томска передала в аренду инвестору памятник деревянного зодчества по ул. Тверская, 66а, сообщает пресс-служба муниципалитета. Дом по ул. Тверская, 66а станет десятым, по которому будет заключен контракт для передачи в аренду инвесторам сроком на 49 лет.

Из трех объектов деревянного зодчества, выставленных на повторный аукцион для сдачи их в аренду, только один заинтересовал инвестора – одноэтажное деревянное здание на Тверской, 66а, являющееся объектом ценной историко-архитектурной среды, сообщается на сайте муниципальных торгов».

То, что сохранить памятники деревянного зодчества важно, понимают все. Но из множества объектов востребованной оказалась лишь небольшая часть. Горожане готовы защищать их от сноса, но не готовы реконструировать дома сами. Дальнейшие попытки власти сдать разрушенные памятники зодчества в аренду за рубль пока тоже не очень успешны. В городе было много организованных протестов, осуждающих снос некоторых памятников деревянного зодчества или критикующих неаутентичную технологию реставрации, или непродуманное решение по его использованию. Но когда жителям была предоставлена возможность взять в аренду на достаточно справедливых условиях, отреставрировать здания и использовать в дальнейшем, то оказалось, что желающих не просто мало, а ничтожно мало. Это свидетельствует не только о низкой вовлечённости бизнеса и горожан в процессы модернизации города, но и о том, что все заинтересованные стороны плохо представляют, как будет меняться исторический центр города, как будут сноситься деревянные здания, находящиеся в аварийном состоянии; что будет строиться на месте так называемой «городской деревни». Горожане не уверены в том, что этот процесс будет успешен, что он будет постоянным, что надолго сохранятся «правила игры».

Проведенные исследования (конфликт в Зональном, конфликт, связанный с пространственным развитием Татарской слободы; противостояние

¹ Источник: <https://vk.com/woodentomsk>

строителей и горожан в «Южных воротах», споры о строительстве часовни на Новособорной) показывают отсутствие скоординированности во взаимодействии власти и населения, в поиске консенсуса между представителями власти, бизнеса и городскими общинами, сообществами по вопросам модернизации и развития городской среды. Какие городские сообщества, локальные самоорганизующиеся группы (и с помощью каких ресурсов) должны участвовать в этот процессе? Среди реальных городских самоорганизующихся групп и сообществ Томска, так или иначе участвующих в процессе трансформации города, можно отметить: группы и сообщества, связанные с деревянной архитектурой (сторонники консервации и сторонники модернизации), локальные объединения горожан (жители «Спутника» или жители «Южных ворот»), протестующие против несправедливой модернизации системы общественного транспорта или экологической несправедливости, долго существующие виртуальные паблик-группы (группа в социальных сетях, например, протестующая против стратегий джентрификации, осуществляемой девелоперами в Томске). Но все они больше ориентированы на организацию массового протеста, на критику власти за неумение создать «дружественное пространство». Отсутствие дружественного городского пространства объясняется многими обстоятельствами: дефицитом проектировщиков, которые в состоянии учесть данные социальных наук о меняющихся потребностях, ценностях, интересах, паттернах поведения современного человека в разных возрастных, культурных стратах; наличием заброшенных территорий, которые не поддаются адекватной реновации; проблемами транспорта, который в городах не обеспечивает даже простой трудовой мобильности; отсутствием пешеходной доступности, малым количеством зелёных парковых зон пошаговой доступности. Существует даже некоторая геттоизация тех микрорайонов, которые населяют сплочённые этнические группы (трудовые мигранты из стран СНГ, выходцы из азиатских стран). Но готовы ли горожане не просто критиковать, а менять эту городскую среду? Исследовательские кейсы продемонстрировали характерный для современной культуры внутренне противоречивый процесс взаимодействия власти, градостроителей, горожан. Зачастую горожане отчуждённо, с апатией относятся к тому городу, месту, в котором они живут. Эксперты связывают эту проблему с сокращением горизонтов планирования: люди не нацелены думать о том, какие последствия будут от их действий или бездействия в отношении городской среды через определённое время, десятки лет. Наиболее активные представители локальных самоорганизующихся групп убеждены, что одной из существенных проблем в рамках данных процессов является низкая способность горожан к самоорганизации, к проведению публичных дискуссий, а также невладение инструментами и технологиями обсуждения данных проблем. Ряд экспертов подчеркивает, что как в Томске, так и в некоторых других регионах не развиты сами институты такого участия. Эксперты отмечают, что серьёзной проблемой является низкий уровень правовой грамотности как у горожан, так и у представителей муниципальной власти. Необходимо и содействие в продвижении самой идеи партисипативности, со-проектирования. Реализация партисипаторных методологий приведёт к снижению вероятности криминализации городской

среды, ослаблению тенденций сегрегации, укреплению городской идентичности, разделению ответственности за проводимую политику между властью и обществом, к пониманию сути городской политики и адекватной оценке эффективности принимаемых мер.

Итоги и результаты

Среди основных стратегий решения поставленных проблем по взаимодействию с различными Community должны выступать:

- разработка платформы распространения и обмена контентом в интернет-среде, разрушающей информационные барьеры между администрацией и населением, между различными этническими и культурными группами, обеспечивающей со-участие в управлении пространственным развитием города;

- создание диалоговой среды для проведения районных референдумов по ключевым вопросам модернизации городской среды, а также по вовлечению горожан в данные процессы;

- мониторинг дискуссий и комментариев к публикациям на интернет-площадках, с дальнейшей выработкой корректирующих действий и выявлением удовлетворенности горожан городской средой.

Партисипаторный подход необходимо реализовывать, модернизируя городское пространство. Доступ людей к со-проектированию публичных пространств города и участие в создании практик со-проектирования является первым шагом к улучшению гражданской жизнедеятельности. Создание, защита, управление и использование общественного пространства предоставляют идеальную возможность для вовлечения всех граждан, трансформируя личные и дифференцированные интересы в практики сотрудничества. Поиск инструментов совместной деятельности при обеспечении безопасности и обслуживания общественного пространства будет стимулировать формирование мест (place-making), побуждать людей к коллективным решениям. Томску как городу-университету максимально «подходят» те стратегии взаимодействия с населением, которые ориентированы на усиление экономического процветания и занятости в городе; продвижение равенства, социальной вовлеченности; защиту и совершенствование городского пространства для достижения локальной и глобальной устойчивости; увеличение вклада в адекватное городское управление и наделение соответствующими полномочиями местных сообществ.

Литература

1. Main K., Sandoval G.F (2015) Placemaking in a translocal receiving community: The relevance of place to identity and agency // *Urban Studies* January. 2015. 52. P. 71–86.
2. MacLeavy J. (2009) (Re)Analysing Community Empowerment: Rationalities and Technologies of Government in Bristol's New Deal for Communities // *Urban Studies* April 2009 46: pp.849–875.
3. Binns L. (2005) Capitalising on culture: an Evaluation of Culture-led Urban Regeneration Policy. *Futures Academy*, Dublin Institute of Technology, 2005.
4. Purcell M. (2013) Possible Worlds: Henri Lefebvre and the Right to the City. // *Journal of Urban Affairs* 36(1): pp.141–154.

5. Argenbright R. (2008) Avtomobilshchina: Driven to the Brink in Moscow, *Urban Geography*, 29 (7) (October1-November 15): pp.683–704.
6. Argenbright R. (2010), Soviet Agitational Vehicles: Bolsheviks in Strange Places, in Mark Bassin, Chris Ely, and Melissa Stockdale, eds., *Place, Space, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History*. DeKalb: Northern Illinois Press: pp.142–163.
7. Dixon T. (2010) Sustainable urban development to 2050: complex transitions in the built environment of cities. In: The Oxford Programme for the Future of Cities , 26th October 2010, Saïd Business School , University of Oxford.
8. Dixon T., Cohen K. (2015) Towards a smart and sustainable Reading 2050 vision. Town and Country Planning, January. pp. 20–27. ISSN 0040-9960 (In Press)
9. Moore-Cherry N., Crossa V., O'Donnell G. (2015) Investigating urban transformations: GIS, map-elicitation and the role of the state in regeneration // *Urban Studies* September 2015 52: pp.2134–2150
10. Yoon H., Currid-Halkett E. (2015) Industrial gentrification in West Chelsea, New York: Who survived and who did not? Empirical evidence from discrete-time survival analysis // *Urban Studies* January 2015 52: pp.20–49.
11. Le Gales P. (2002) European cities. Social conflicts and governance, Oxford: Oxford University Press.
12. Elsawahli H. , Ahmad F., Shah Ali A. (2014) New urbanism design principles and young elderly active lifestyle: An analysis of TTDI neighbourhood in Kuala Lumpur, Malaysia// *URBAN DESIGN International* , 2014, 19, pp.249–258.
13. Prior, H.J. & Blessi, G.T. (2012) Social Capital, Local Communities and Culture-led Urban Regeneration Processes: The Sydney Olympic Park Experience// *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*. Vol 4. No 3. (2012).
14. Huston S., Wadley D., Fitzpatrick R. (2015) Bohemianism and Urban Regeneration: A Structured Literature Review and Compte Rendu // *Space and Culture* August 2015 18: pp.311–323.
15. Cheng-Yi Lin, Woan-Chiau Hsing (2009) Culture-led Urban Regeneration and Community Mobilisation: The Case of the Taipei Bao-an Temple Area, Taiwan *Urban Studies* June 1, 2009 46: pp.1317–1342 .
16. Chi Xu, Shubo Fang, Nao Long, Shuqing Teng, Mingjuan Zhang, Maosong Liu (2015) Spatial Patterns of Distinct Urban Growth Forms in Relation to Roads and Pregrowth Urban Areas: Case of the Nanjing Metropolitan Region in China// *Journal of Urban Planning and Development*. 141(1), (2015).

Kolodii Nataliia A. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: kolna@tpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/18

Kolodii Vyacheslav V. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: strat1212@tpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/18

Chayka Yuliya A. National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: kolna@tpu.ru

DOI: 10.17223/1998863X/38/18

ACTIVISM AND PARTICIPATION: SOCIAL TECHNOLOGIES OF COOPERATION WITH URBAN POPULATION IN THE PROCESS OF "PRODUCTION" OF URBAN SPACE

Key words: urban space, urban planning , urban policy, social urban management, Smart City, Culture-led Urban regeneration, participatory planning, social networks, Internet sites, Community

It has been observed just recently that the focus of research in the humanities in our society has shifted towards urban studies. "Turn to the city" in cultural studies and in philosophy was outlined at the turn of the two-thousands. Before that the city problems were analyzed mainly in the field of sociology, social geography, and economics. At the same time, the discourse of "production of space" was formed. The understanding of space as the result of production has arisen due to the fact that it was necessary to conceptualize a city as a process in which various actors are involved, including various urban communities. The article deals with the possibilities and willingness of urban communities to

participate in the process of transformation of Russian cities, and reveals how real or virtual groups of residents are able to resist ill-conceived design decisions.

References

1. Main, K. & Sandoval, G.F (2015) Placemaking in a translocal receiving community: The relevance of place to identity and agency. *Urban Studies*. 52. pp. 71–86. DOI: 10.1177/0042098014522720
2. MacLeavy, J. (2009) (Re)Analysing Community Empowerment: Rationalities and Technologies of Government in Bristol's New Deal for Communities. *Urban Studies*. 46. pp.849–875. DOI: 10.1177/0042098009102132
3. Binns, L. (2005) *Capitalising on culture: an Evaluation of Culture-led Urban Regeneration Policy*. Dublin Institute of Technology.
4. Purcell, M. (2013) Possible Worlds: Henri Lefebvre and the Right to the City. *Journal of Urban Affairs*. 36(1). pp.141–154. DOI: 10.1111/juaf.12034
5. Argenbright, R. (2008) Avtomobilshchina: Driven to the Brink in Moscow. *Urban Geography*. 29(7). pp. 683–704. DOI: 10.2747/0272-3638.29.7.683
6. Argenbright, R. (2010) Soviet Agitational Vehicles: Bolsheviks in Strange Places. In: Bassin, M., Ely, C. & Stockdale, M. (eds) *Place, Space, and Power in Modern Russia: Essays in the New Spatial History*. DeKalb: Northern Illinois Press. pp.142–163.
7. Dixon, T. (2010) Sustainable urban development to 2050: complex transitions in the built environment of cities. In: *The Oxford Programme for the Future of Cities*. 26th October 2010. Saïd Business School, University of Oxford.
8. Dixon, T. & Cohen, K. (2015) Towards a smart and sustainable Reading 2050 vision. *Town and Country Planning*. January. pp. 20–27.
9. Moore-Cherry, N., Crossa, V. & O'Donnell, G. (2015) Investigating urban transformations: GIS, map-elicitation and the role of the state in regeneration. *Urban Studies*. 52. pp. 2134–2150. DOI: 10.1177/0042098014545520
10. Yoon, H. & Currid-Halkett, E. (2015) Industrial gentrification in West Chelsea, New York: Who survived and who did not? Empirical evidence from discrete-time survival analysis. *Urban Studies*. 52 (1). pp. 20–49. DOI: 10.1177/0042098014536785
11. Le Gales, P. (2002) *European cities. Social conflicts and governance*. Oxford: Oxford University Press.
12. Elsawahli, H., Ahmad, F. & Shah Ali, A. (2014) New urbanism design principles and young elderly active lifestyle: An analysis of TTDI neighbourhood in Kuala Lumpur, Malaysia. *URBAN DESIGN International*. 19. pp. 249–258. DOI: 10.1057/udi.2013.22
13. Prior, H.J. & Blessi, G.T. (2012) Social Capital, Local Communities and Culture-led Urban Regeneration Processes: The Sydney Olympic Park Experience. *Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journal*. 4(3). DOI: 10.1080/08985620110112079
14. Huston, S., Wadley, D. & Fitzpatrick, R. (2015) Bohemianism and Urban Regeneration: A Structured Literature Review and Compte Rendu. *Space and Culture*. 18. pp. 311–323. DOI: 10.1177/1206331215579751
15. Cheng-Yi, L. & Woan-Chiau, H. (2009) Culture-led Urban Regeneration and Community Mobilisation: The Case of the Taipei Bao-an Temple Area. *Taiwan Urban Studies*. 46. pp. 1317–1342. DOI: 10.1177/0042098009104568
16. Chi, X., Shubo, F. Nao, L., Shuqing, T., Mingjuan, Z. & Maosong, L. (2015) Spatial Patterns of Distinct Urban Growth Forms in Relation to Roads and Pregrowth Urban Areas: Case of the Nan-jing Metropolitan Region in China. *Journal of Urban Planning and Development*. 141(1). DOI: 10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000202